

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОЛЬШИ И ЯПОНИИ ПРОТИВ СССР (1931–1935)

Рассматривается тайное военно-политическое сотрудничество Польши и Японии против СССР в течение 1931–1935 гг. Оно осуществлялось в течение трех этапов: первый начался осенью 1931 г., когда было подписано соглашение между японским Генштабом и Главным штабом Войска Польского; второй – летом 1934 г., когда Пилсудскому было доставлено письмо от бывшего военного министра С. Араки; третий охватил зиму 1934 г. – весну 1935 г., когда произошло некоторое дистанцирование между польскими и японскими военными.

Ключевые слова: Польша; Япония; СССР; Пилсудский; военно-политическое сотрудничество; 1931–1935 гг.; польско-японское соглашение генеральных штабов 1931 г.

Победа над царской Россией принесла японцам симпатию поляков, делящуюся по сегодняшний день.

Веб-сайт Посольства Республики Польша в Токио [1. С. 3]

«Архивная революция» 1990-х гг. открыла для отечественных и зарубежных исследователей множество новых научных направлений. Центр хранения историко-документальных коллекций, влившийся позднее в Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории и другие архивы, предоставил в распоряжение историков разных стран множество источников, о которых раньше можно было только мечтать. Одним из них стал так называемый личный архив И.В. Сталина, документы которого, среди прочего, пролили свет на проблему тайного польско-японского военно-политического сотрудничества против СССР в 1933–1935 гг.

До недавнего времени постановка этой проблемы могла показаться трудновообразимой. В одном из авторитетных исследований советской эпохи Япония выступала с 1931 г. в качестве первого из очагов войны, но ее принято было связывать с нацистской Германией. В этом же уважаемом издании Польша фигурировала рядом с Германией и Японией в 1933 г. лишь в качестве намека: «между Германией и Японией имеется определенная договоренность о подготовке совместных действий, в которых, возможно, примет участие еще одна европейская держава» [2. С. 425–444, 479, 587–591]. В отечественных академических изданиях по польской истории японский аспект в 1930-е гг. присутствовал лишь в связи с сочувственным отношением польского правительства к заключению Антикоминтерновского пакта в 1936 г. [3. С. 291]. Только в конце 1990–2000-х гг. японский аспект во внешней политике Польши появился и обосновался в исследованиях отечественных историков [4. С. 151; 5. С. 199–208; 6. С. 52–72].

В польской историографии Япония во внешней политике так называемой Второй Речи Посполитой¹ в качестве темы исследования начала присутствовать в начале 1980-х гг. сначала одновременно с китайской тематикой в статье М. Новак-Келбиковой, а затем самостоятельно в кратком очерке К. Ватанабе [7. С. 241–253; 8. С. 27–35]. В течение 1990-х – начале 2000-х гг. японское направление в польской внешней политике межвоенного периода нашло отражение в ряде работ Э. Палаш-Рутковской, наиболее основа-

тельная из которых «История польско-японских отношений 1904–1945» вышла в соавторстве с А.Т. Ромер. Однако интересующее нас военно-политическое сотрудничество там присутствовало лишь эпизодически² [9; 10. С. 3–18; 11; 12]. В качестве одного из редчайших исключений, подтверждающих, что японское направление все-таки имело отношение к некоторым из комбинаций главного архитектора польской внешней политики первой половины 1930-х гг. Ю. Пилсудского, удалось отыскать в работе одного из наиболее авторитетных историков времен народной Польши М. Войцеховского «Польско-германские отношения. 1933–1938». В одном из донесений американского посла в Москве У. Буллита, датированном июлем 1934 г., он обнаружил запись, что Пилсудский не спешил присоединиться к Восточному пакту, так как выжидал начало японо-советской войны и хотел сохранить на востоке свободу рук: «Маршал все еще вдохновлен воздвижением амбиций и мечтой восстановить былое величие Польши» [13. С. 163; 14. Р. 504].

Это документальное свидетельство, чуть ли не единственное в польской историографии, представляется нам необычайно значимым, так как позволяет выстроить звенья очень важной научной проблемы – тайного польско-японского военно-политического сотрудничества против СССР в течение 1931–1935 гг., которую тщательно обходят молчанием современные польские историки³. Скорее всего, делают это сознательно, так как иногда их недомолвки свидетельствуют косвенным путем о том, что эта проблема им не в новинку и они в отношении ее не равнодушны. В частности, молодой польский историк Павел Лыжинский в своей статье «Польско-японские отношения в 1919–1939 гг.» обронил фразу: «С Японией Польшу связывал лишь общий враг, которым был СССР, и в этой сфере сотрудничество происходило значительно лучше, чем на политической ниве» [16. С. 9]. Наверное, пришло время об этом сотрудничестве рассказать подробнее, так как появились архивные первоисточники, ведущую роль среди которых играют документы советской разведки из «личного архива И.В. Сталина». В данной статье они будут вводиться по степени необходимости по мере развития темы.

В центре польско-японского сотрудничества так или иначе постоянно присутствовала Россия. Одним из первых поляков, оказавшихся ближе остальных к Японии, был старший брат Пилсудского Бронислав, осужденный в 1887 г. за неудачное покушение на Александра III и сосланный на Сахалин⁴. Одним из первых японцев на польских землях в феврале 1892 г. побывал майор Я. Фукушима, совершивший за 488 дней путешествие верхом из Берлина во Владивосток и использовавший его для сбора информации о будущем противнике. Офицеры японской разведки также активно завязывали контакты среди польских революционеров – в марте 1904 г. М. Акаши встретился в Кракове с лидером партии национальных демократов (эндеков) и политическим противником Пилсудского Р. Дмовским. В этот же период Польская социалистическая партия (ППС), лидером которой являлся Ю. Пилсудский, установила контакты с японским посольством в Лондоне. В результате оба польских революционера посетили Японию – Дмовский в мае, а Пилсудский в июле того же года. Последний, среди прочего, просил о поддержке движения за восстановление независимости Польши, предлагая взамен проведение диверсионных актов против российской армии, в частности, подрыв участка транссибирской магистрали. В отличие от Пилсудского, Дмовский считал, что вооруженное выступление против России не принесло бы пользы Польше⁵. Так или иначе, японское правительство не заинтересовалось тогда предложениями Пилсудского, ограничившись, как и ранее, сотрудничеством по линии разведки [1. S. 2].

После начала Первой мировой войны Пилсудский со своими легионами оказался в противоположном Японии лагере, но у обеих сторон сохранялся взаимный интерес. В июне 1916 г. в Варшаве обосновался неофициальный представитель японского Генерального штаба М. Ямаваки. В ноябре 1918 г. Польша обрела независимость, 22 марта 1919 г. официальный Токио признал правительство И. Падеревского, а в 1921 г. Ямаваки обрел должность военного атташе. Польско-японское сотрудничество, как указывалось выше (см. прим. 2), носило в этот период эпизодический характер, но, как и раньше, оно так или иначе было направлено против России. Например, в период Польско-советской войны в течение 1919–1920 гг. поручик А. Мазараки из японской военной миссии информировал польское военное руководство о событиях в Сибири и на Дальнем Востоке. А в марте 1928 г. по инициативе маршала Пилсудского польский военный атташе в Японии Вацлав Енджеевич в качестве жеста доброй воли награждал наиболее видных японских офицеров – участников Русско-японской войны [1. S. 2–3; 12].

Прежде чем перейти к рассмотрению польско-японского сотрудничества в 1930-е гг., следует напомнить, что заветной целью маршала Пилсудского, его потаенной мечтой, было восстановление «былого величия Польши» или построение так называемой Великой Польши. Ее ядро должна была составить Польша в границах 1772 г., т.е. включавшая Белоруссию, Украину и Литву, вокруг которого предстояло сформироваться федерации в составе прибалтийских

государств, Финляндии, закавказских и северокавказских народов, а Россия должна была откатиться за Урал [18. S. 139–158].

После Локарнской конференции, когда маршал понял, что западные державы делают основную ставку на Германию, не рассматривают Польшу в качестве равного партнера, не склонны учитывать ее в своих комбинациях, а наоборот, готовы принести ее интересы в жертву своим корыстным расчетам, он в мае 1926 г. произвел военный переворот, захватив позиции, позволяющие единолично определять внешнюю политику Польши. Он рассчитывал сыграть собственную игру, где место, возможно, нашлось бы и для польско-японского пасьянса.

Многолетний опыт маршала свидетельствовал, что очень важно уметь дождаться нужного, благоприятного момента. В декабре 1931 г., когда Ю. Бек, тогда еще не министр, перечислил Пилсудскому (по просьбе последнего) четыре основных направления в польской внешней политике – Гданьск, Литву, проблему нацменьшинств и Тешенскую Силезию (восточное направление и Япония там еще не фигурировали). Однако уже через год маршал произнес фразу: «Наступают времена, когда нарушается существующая структура международной жизни, которая существовала в течение предшествующих 10 лет. Формы, к которым мир привык, рушатся» [19. S. 42; 20. P. 9; 21. S. 327].

После того как Франция в декабре 1932 г. присоединилась к так называемому пакту пяти держав, позволявшему Германии, среди прочего, иметь равные с европейскими державами вооружения, маршал принял прогерманский курс, а после обнародования в марте 1933 г. проекта «пакта четырех» в течение двух месяцев заставил нового германского канцлера А. Гитлера приступить к политическому сближению с Польшей. После подписания 26 января 1934 г. «Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией» и уже имея советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., польский МИД объявил о проведении так называемой политики равноудаленности. Однако за ее внешним фасадом скрывалось тайное польско-германское военное сотрудничество. Теперь можно было уделить внимание и польско-японскому «пасьянсу» [6. С. 131–237].

Япония к этому моменту, как было указано выше, захватив в сентябре 1931 г. Маньчжурию, создала очаг войны на Дальнем Востоке и, видимо, ограничиваться этим не собиралась, так как в марте 1933 г. заявила о выходе из Лиги наций. Ее дальневосточная политика начинала приобретать ярко выраженный антисоветский характер, так как резко возросло число провокаций, в том числе вооруженных. Западные дипломаты не преминули отметить произошедшие перемены. Американский посол в Берлине У. Додд 10 декабря записал: «Согласно сведениям из некоторых дипломатических источников, Япония собирается в апреле или мае будущего года напасть на Владивосток». Дальше – больше; 21 декабря его поразили серьезная озабоченность министра Нейрата угрозой войны на Дальнем Востоке и его небывалый интерес к Советской России. Обращает на себя внимание и

комментарий германского дипломата, что «в случае войны и, следовательно, вторжения Японии в Россию там неизбежно начнется хаос» [22. С. 108–109].

К этому времени определенная роль в японском паcьянсе была уже зарезервирована за польскими вооруженными силами. Иностраный отдел ОГПУ еще 19 марта 1932 г. проинформировал И.В. Сталина со ссылкой на источник во французском генштабе, что осенью 1931 г. Варшаву посетили два японских офицера, в результате чего было подписано письменное соглашение между японским Генеральным штабом и Главным штабом Войска Польского. В соответствии с ним «Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться на территории СССР». В другом документе – донесении американского посла в Токио Д. Грю в Государственный департамент США от 14 сентября 1933 г., высказывалась твердая уверенность, что до конца 1934 г. начнется конфликт Японии с Россией, которому «может помешать только чудо» [23. Л. 65, 131]. Таким образом, можно предположить, что к концу 1933 г. – началу 1934 г. сложились как субъективные, так и объективные условия для польско-японского сотрудничества.

В качестве некоего предварительного пролога к нему можно рассматривать речь председателя иностранной комиссии сейма князя Я. Радзивилла, произнесенную им на банкете, устроенном редакцией консервативной газеты «Час» 20 февраля 1934 г. Он, в частности, заявил, что «на пользу Польши пошли изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии». Особенно привлекало внимание следующее его высказывание: «Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, результаты которой сегодня трудно предвидеть». 22 февраля 1934 г. Радзивилл прибыл в Вильно, где встретился с политическим активом из числа местной администрации и польской аристократии и обрисовал новые политические перспективы на востоке в связи с приближавшейся ратификацией декларации от 26 января.

Князь Радзивилл был представителем древнего аристократического рода и одним из авторитетнейших людей в польском руководстве, так как представлял интересы 100 богатейших семейств Польши, имевших немалое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Его слова о возросшей угрозе России со стороны Японии, из которой Польша может извлечь выгоду, произнесенные в кругу консерваторов-радикалов «Часа», стали свидетельством существенной корректировки приоритетов польской внешней политики. Если Бек в декабре 1931 г. перечислил 4 основных направления (Гданьск, Литву, проблему нацменьшинств и Тешенскую Силезию), то речь Радзивилла свидетельствовала о том, что польские правящие круги решили сделать ставку на восточное направление. Его последующая поездка в Вильно продемонстрировала намерение пилсудчиков присовокупить решение литовской проблемы к своим «восточным планам» [6. С. 199; 24. Д-19. 1-а].

Для маршала, заставившего к тому моменту Гитлера учитывать Польшу в своих планах завоевания

жизненного пространства на Востоке, были достаточные основания полагать, что столь желанный час грядущего раздела России приближается. Во всяком случае, сторонние наблюдатели эту возможность не исключали. 16 марта 1934 г. лондонское агентство «Уик» заявило о тайных намерениях Берлина и Варшавы в рамках так называемого плана Розенберга⁶. Агентство указывало, что за последние две недели все эти предположения получили новую пищу, так как Япония внезапно выступила с угрозами в отношении СССР. В заключение оно обратило внимание на открытую поддержку Японии британскими кругами, которые отправили делегацию британских промышленников в Манчжоу Го и опубликовали ряд статей в «Таймс» [24. Д. 3–1].

Тем временем советская разведка продолжала информировать высшее советское руководство. 8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Кайо, доставивший маршалу личное послание бывшего военного министра С. Араки, который сообщил, что нападение на СССР можно осуществить в любой момент, используя в качестве вероятного повода КВЖД. Араки далее сообщал, «что японцы медлят начинать войну только по причине состояния японской авиации. Для ее усиления Японии нужно подождать с войной до марта – апреля 1935 г. Но если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» [25. С. 827–828; 26. Л. 80–86].

27 июля 1934 г. между Пилсудским и Гитлером было заключено «джентельменское соглашение», первый пункт которого обязал Польшу и Германию «не примыкать к Восточному пакту без предварительного взаимного согласования этого вопроса». В случае же если бы он был заключен без участия Польши и Германии, они принимали на себя обязательство заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества Берлин и Варшава должны были заключить с Токио военно-оборонительные союзы. Предполагалось также, что в октябре в Берлин должна была приехать японская военная миссия во главе с генералом Нагата или кем-либо другим для пересмотра польско-японского военного соглашения 1931 г. и для заключения нового соглашения применительно к польско-германскому соглашению [26. Л. 80–86].

В течение лета 1934 г. в европейской прессе продолжали появляться публикации касательно германо-японо-польских планов напасть на Советский Союз. В частности, секретарь польского посольства в Лондоне Л. Орловский информировал в августе 1934 г. варшавский МИД, что различные британские издания, начиная с февраля, пишут о польско-германских намерениях напасть на СССР совместно с Японией. Он сообщал, что 22 августа 1934 г. еженедельник «Уик» и 25 августа издание «Нью стэйтсмен энд

нэйшн» разместили материал о возможном нападении Японии на дальневосточную, а Германии с Польшей – на европейскую часть Советской России. Германии якобы ставилась задача захватить Ленинград, а затем двигаться на Москву. Польше предстояло нанести удар в двух направлениях – на Москву и на Украину [27. Кадр 78–79; 28. С. 201].

10 августа 1934 г. польское и германское правительства дали словесные заверения японским дипломатам в Варшаве и Берлине в том, что они не подпишут Восточный пакт. В сентябре 1934 г. в Варшаву прибыла японская военная миссия во главе с начальником авиационной школы генералом Харута. Примерно в это же время Сталину доставили информацию о переговорах, которые вели между собой Берлин, Варшава и Токио. Пилсудский, опасаясь усиления позиций СССР в Европе, считал своей задачей припугнуть Париж возможностью войны на Дальнем Востоке и «показать ему, что СССР Франции не союзник». В этом контексте всячески приветствовалось провоцирование Японией конфликтов на советской дальневосточной границе и создание напряженности в этом регионе. Это должно было, по мысли маршала, убедить французов в невыгодности сближения с русскими. Глава польского МИД Ю. Бек и начальник Главного штаба Я. Гонсиоровский договаривались об этом с японским посланником и военным атташе полковником Ямаваки, который также часто встречался с Пилсудским в его резиденции под Вильно. Для обсуждения военной стороны сотрудничества предусматривалось провести в октябре 1934 г. в Берлине переговоры с участием генералов Нагата и Гонсиоровского. Польская столица, как место проведения переговоров, была отклонена маршалом по конспиративным соображениям: «В Варшаве слишком много франкофилов, через которых Москва скоро пронюхает в чем дело» [26. Л. 81; 28. С. 202].

Прояпонский курс Пилсудского и его ближайшего окружения на войну незамедлительно принял на вооружение польский истеблишмент. 18 октября 1934 г. Сталин узнал о том, что мнение о неизбежности войны между Японией и СССР прочно утвердилось в официальных кругах Варшавы. Именно с расчетом на нее пилсудчики планировали свой внешнеполитический курс, координируя его с гитлеровцами. Между Пилсудским и Гитлером обозначилось сближение по таким вопросам, как поддержка аншлюса Австрии, присоединение части территории Чехословакии под предлогом объединения немцев и главное – по отношению к Советскому Союзу. Советская разведка не дремала: «В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнения на Дальнем Востоке» [26. Л. 111–117; 28. С. 202–203].

К осени 1934 г. набрало солидный темп польско-японское военно-техническое сотрудничество. 11 ноября советник полпредства в Варшаве Б. Подольский писал замнаркому Б.С. Стомонякову, что «польская военная и металлургическая промышленность имеет японские заказы», а японский Генштаб осуществляет широкое наблюдение за Советским Союзом из Прибалтики и Польши. Во многом благодаря активности

польского торгового атташе в Токио Травинского Польша подрядилась изготовить для Японии 100 тыс. винтовок, а также продала ей лицензию на производство истребителя П-7. Польские предприятия выполняли военные заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины [24. Д. 3–1; 25. С. 828–829]. Сторонники Пилсудского прилагали усилия для того, чтобы расширить фронт государств антимосковской коалиции. В начале марта 1935 г. начальник Главного штаба Войска Польского Я. Гонсиоровский совершил поездку в страны Прибалтики и Финляндию. 6 марта близкая к финскому правительству газета «Гельсингин саномат» заявила о важном политическом значении этого визита. «Турун саномат» прямо поставила вопрос о необходимости польско-финляндского сближения на антисоветской почве. Она высоко оценила польско-германскую дружбу, способствовавшую сближению Финляндии с Польшей: «Выполненная в Польше созидательная работа укрепила положение всех тех новых государств, которые на юге от Финского залива вплоть до границ Румынии находятся в одинаковом с Финляндией положении» [28. С. 205; 29. С. 51–52].

К концу марта 1935 г. угроза развязывания военных действий против Советского Союза возросла столь значительно, что в Москве посчитали необходимым устранить возможный предлог, который могли бы использовать японские милитаристы для развязывания конфликта. 23 марта 1935 г. с японским правительством было подписано соглашение о выкупе Китайско-Восточной железной дороги [2. С. 590].

Односторонний отказ Германии от статей Версальского договора и введение всеобщей воинской обязанности, принятые во второй декаде марта 1935 г., позволили довести численность германского рейхсвера до 550 тысяч и значительно приподняли настроение многим японским политикам. Председатель верхней палаты парламента принц Ф. Коноэ и бывший министр иностранных дел, депутат верхней палаты К. Иосидзава не могли скрыть радости по поводу ожидаемых осложнений в Европе. А глава внешнеполитического ведомства К. Хирота подчеркнул в беседе полпреду К. Юреневу, что в Европе «становится шумно и беспокойно» [30. С. 193–194, 201].

Тамошними милитаристами был разработан так называемый план «Оцу», утвержденный начальником генерального штаба, маршалом, принцем К. Котохито, а в марте – императором Хирохито. Для проведения наступательных операций предполагалось перебросить из Японии в Маньчжурию дополнительно дивизии. Бывший военный министр Японии генерал С. Араки в апреле утверждал, что если война начнется, то ее нужно вести как можно быстрее. Генерал С. Хаяси в мае заявил, что первые пять или двенадцать месяцев войны решат ее конечный исход. В японской армии считали возможным ограничиться захватом только Приморья [4. С. 224].

Однако было бы неверно считать, что горизонт польско-японского военного сотрудничества был чист и безоблачен. Во всяком случае, об этом свидетельствует документ, поступивший в распоряжение советского руководства в начале 1935 г. из II отдела фран-

цузского Генштаба, в котором польский маршал представлен в роли опытного психолога. «По мнению Пилсудского, японский план об одновременной атаке [СССР] на востоке и западе не выдерживает никакой критики. Польша и Германия столкнулись бы с могущественно вооруженной армией, с нетронутым в моральном отношении населением и с таким советским правительством, престиж которого еще не поколеблен. Германским и польским войскам пришлось бы таким образом воевать в крайне невыгодных с психологической стороны условиях. Малейшая, даже частичная и преходящая неудача германской и польской армий (или даже просто отсутствие удачи на их стороне) могли бы очень быстро превратиться в катастрофу, в революцию в Германии или Польше» [31. Л. 63–65].

Пилсудский пытался определить и выстроить психологию наиболее благоприятного момента для второго этапа предстоящей агрессии против Советской России – польско-германского вторжения с запада. «Есть лишь один способ победить Советов. Он состоит в том, чтобы предварительно деморализовать ее население и ее армию. Неудачи Красной Армии на Дальнем Востоке, а также продолжительность японо-русской войны могли бы вызвать деморализацию внутри России. Это явилось бы единственным подходящим моментом для нападения на ее западные границы». Другими словами, маршал пытался пересмотреть первоначальные условия польско-японского военного сотрудничества, которое предполагало нападение польских войск на западные границы СССР на следующий день после японской агрессии на советский Дальний Восток. Это не могло не вызвать определенного разочарования у японских военных в своих западнославянских коллегах, по сравнению с германскими. Во всяком случае, если в документах разведки содержится упоминание о подписании союзного договора между Токио и Берлином, то упоминаний об аналогичном договоре с Варшавой в них нет [31. Л. 63–65; 32. С. 16].

Тем не менее к середине весны 1935 г. условные планы потенциальных агрессоров значительно продвинулись: польско-германскими усилиями был похоронен проект Восточного пакта; после закупки лицензии у Варшавы на производство истребителя П-7 Токио начал реорганизацию ВВС; на Дальнем Востоке участились японские провокации на советской границе; в Берлине имелся «стратегический запас» нефти. Теперь приближался час взаимодействия между военными. 7 апреля 1935 г. газета «Эко де Пари» воспроизвела сообщение базельской «Националь цайтунг» о том, что в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии отправились 25 офицеров рейхсвера. Предполагалось, что для согласования деятельности с германским командованием в Берлин придут 70 японских офицеров. Координация военного сотрудничества становилась актуальной, так как вторжение Японии в Россию с востока предполагалось в течение второй половины 1935 г. [22. С. 324, 464; 28. С. 207; 33].

Таким образом, документы советской разведки из «личного архива И.В. Сталина» свидетельствуют о том, что тайное польско-японское военное сотрудничество осуществлялось в течение трех этапов. Первый – осень 1931 г., когда было подписано соглашение между японским Генштабом и Главным штабом Войска Польского, предполагавшее отвлечение сил Красной Армии польскими войсками после нападения Японии на Советский Дальний Восток. Второй – лето 1934 г., когда Пилсудскому было доставлено письмо от бывшего военного министра С. Араки, подтверждавшее готовность напасть на СССР в любой момент, если Берлин и Варшава дадут обещание присоединиться к агрессии на западные границы на следующий день. Наконец, третий – зима 1934 г. – весна 1935 г., когда происходит некоторое дистанцирование между польскими и японскими военными в связи с попыткой Пилсудского пересмотреть вторжение польских войск на более поздний срок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «Вторая Речь Посполита» используется в польской историографии применительно к истории межвоенного периода, т.е. 1918–1939 гг.

² В частности, в 1923 г. в Токио был командирован на три месяца специалист по дешифровке капитан Ян Ковалевский, который обучил офицеров II отдела японского Главного штаба искусству взламывать советские шифры. Позднее в Варшаву для повышения квалификации в искусстве дешифровки были посланы два офицера, которые позднее имели отношение к польско-японскому сотрудничеству относительно СССР.

³ В качестве определенного исключения можно назвать книгу Х. Куромия, А. Пеплоньского «Между Варшавой и Токио. Польско-японское сотрудничество в области разведки 1904–1944», изданную в Горуни в 2009 г. Основной акцент в книге сделан на общего врага в исследуемый период – Российскую империю и Советский Союз, в отношении которых была направлена деятельность обеих разведок. В книге нашли отражение общеизвестные факты, ее источниковая база оставляет желать лучшего, соответственно, интересующий нас период и проблематика в ней освещены, мягко говоря, не лучшим образом [15].

⁴ По отбытии срока он в 1896 г. стал сотрудником метеостанции в Корсакове на юге Сахалина, где начал изучать жизнь и культуру народности айнов, женился на местной девушке, прижив двух детей. В 1906 г. оказался в Японии, где вместе с переводчиком с русского языка и писателем Шимеи Футабатэ основал Польско-японское общество.

⁵ По утверждению польского историка А. Гарлицкого, 14 июля 1904 г. в номере у Дмовского в отеле «Метрополь» состоялась их многочасовая беседа, однако ему не удалось убедить Пилсудского, что предлагаемая им линия – это преступление перед польским народом [17. S. 85].

⁶ То есть расчленения России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wybrane epizody w historii stosunków japońsko-polskich. Ambasada Japonii w Polsce. URL: <http://www.pl.emb-japan.go.jp/relations/epizody.pdf>, свободный (дата обращения: 10.07.2016).
2. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. 3.
3. Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993.

4. Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933–1936. М., 2002.
5. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ, 2004.
6. Морозов С.В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать // Великая Победа. Интернет-проект / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. 2015. Т. II. URL: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-tragichieskoy-svobodnyy> (дата обращения: 12.07.2016).
7. Nowak-Kielbikowa M. Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej // Dzieje najnowsze. 1981. № 1–2.
8. Watanabe K. Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1992. № 4.
9. Pałasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski 1918–1941. Warszawa, 1998.
10. Pałasz-Rutkowska E. Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznanania Mandżukuo przez Polskę // Przegląd Orientalistyczny. 2006. № 1–2.
11. Pałasz-Rutkowska E., Romer A.T. Historia stosunków polsko-japońskich 1904–1945. Warszawa, 2009.
12. Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920, oprac. Marian Zgómiak, Wojciech Rojek, Jacek Solarz. Kraków, 2012.
13. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
14. Foreign Relations of the United States. 1934. Washington, 1951. Vol. I.
15. Kuromiya H., Peplowski A. Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń, 2009.
16. Łyziński P. Stosunki polsko-japońskie w latach 1918–1939. URL: http://www.academia.edu/9269075/Stosunki_polsko-japo%C5%84skie_w_latach_1918-1939, свободный (дата обращения: 10.07.2016).
17. Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. W., 1990.
18. Maciejewski M. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939. Pod red. Marszałka M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009.
19. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
20. Beck J. Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939. Neuchâtel, 1951.
21. Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1939. Warszawa, 1939.
22. Дневник посла Додда. М., 1960.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Док. 5.
24. Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 22. Оп. 1. 1934.
25. Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII.
26. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 10.
27. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 78 (микрофильм).
28. Морозов С.В. Из довоенного досье // Международная жизнь. 2007. № 1–2.
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 42.
30. Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII.
31. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 8.
32. Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики : сб. док. (1935–1945) / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.
33. Гудок (Москва). 1935. 8 апр.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 августа 2016 г.

ON MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN POLAND AND JAPAN AGAINST THE SOVIET UNION (1931–1935)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 138–144.

DOI: 10.17223/15617793/413/21

Stanislav V. Morozov, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru, roland60@mail.ru

Keywords: Poland; Japan; USSR; Piłsudski; S. Araki; 1931 Polish-Japanese General Staff agreement.

The purpose of this article is to investigate the secret military and political cooperation between Poland and Japan against the Soviet Union during 1931–1935, including the use of Soviet intelligence documents from the so-called Personal Archive of I.V. Stalin. Among other, the article includes an overview of the Polish historiography in which this problem is suppressed or one-sided. The center of the Polish-Japanese cooperation was Russia. The cherished goal of Marshal Piłsudski, his hidden dream, was to restore the “former greatness of Poland” and to construct the so-called Great Poland. Its core was to be the borders of Poland in 1772, that is including Belarus, Ukraine and Lithuania, around which a federation from the Baltic states, Finland, Caucasian and North Caucasian peoples was to form, and Russia had to revert to the Urals. After the Locarno conference, Marshal Piłsudski realized that the Western powers, relying heavily on Germany in their calculations against the USSR, did not consider Poland as an equal partner and were not inclined to take it into account, but were rather ready to sacrifice Polish interests for their selfish calculations. In May 1926, Piłsudski made a military coup, seizing positions that allowed him to individually determine the Polish foreign policy. He hoped to play his own game against the Soviet Union, where room might be found for the Polish-Japanese political and military cooperation. Soviet intelligence documents from the Personal Archive of I.V. Stalin show that the secret Polish-Japanese military and political cooperation against the Soviet Union was carried out in three stages. The first was the fall of 1931, when an agreement was signed between the Japanese General Staff and the General Staff of the Polish Army, it alleged the diversion of the Red Army forces by the Polish troops in case of the Japanese attack on the Soviet Far East. The second was the summer of 1934, when Piłsudski received a letter from the former Minister of War S. Araki that confirmed the readiness to attack the Soviet Union at any time, if Berlin and Warsaw promised to join the aggression on the western border the next day. Finally, the third stage was the winter of 1934 – the spring of 1935, when there was some distancing between the Polish and Japanese military in Piłsudski’s attempt to postpone the Polish troops invasion.

REFERENCES

1. Japanese Embassy in Poland. (2009) *Wybrane epizody w historii stosunków japońsko-polskich*. [Selected episodes in the history of Japanese-Polish relations]. [Online] Available from: <http://www.pl.emb-japan.go.jp/relations/epizody.pdf>. (Accessed: 10th July 2016).
2. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

3. D'yakov, V.A. (ed.) (1993) *Kratkaya istoriya Pol'shi. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A brief history of Poland. From ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
4. Sevost'yanov, G.N. (2002) *Moskva – Vashington: Diplomaticheskie otnosheniya, 1933–1936* [Moscow – Washington: Diplomatic relations, 1933–1936]. Moscow: Nauka.
5. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnoudalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of "equidistance" of Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.
6. Morozov, S.V. (2015) "Lebedinaya pesnya" marshala, kotoroy tak i ne suzhdeno bylo prozvuchat' [The "Swan Song" of the Marshal, which was never meant to sound]. In: Naryshkin, S.E. & Torkunov, A.V. (eds) *Velikaya Pobeda. Internet-proekt* [Great Victory. An Internet project]. Vol. II. [Online] Available from: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>. (Accessed: 12th July 2016).
7. Nowak-Kielbikowa, M. (1981) Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej [Japan and China diplomacy in the Second Republic of Poland]. *Dzieje najnowsze*. 1–2.
8. Watanabe, K. (1992) Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym [Diplomatic relations of Poland and Japan in the inter-war period]. *Dzieje najnowsze*. 4.
9. Pałasz-Rutkowska, E. (1998) *Polityka Japonii wobec Polski 1918–1941* [Japan's policy towards Poland in 1918–1941]. Warsaw: Nozomi.
10. Pałasz-Rutkowska, E. (2006) Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznania Mandżukuo przez Polskę [Poland – Japan – Manchukuo. The recognition of Manchukuo by Poland]. *Przegląd Orientalistyczny*. 1–2.
11. Pałasz-Rutkowska, E. & Romer, A.T. (2009) *Historia stosunków polsko-japońskich 1904–1945* [History of Polish-Japanese relations 1904–1945]. Warsaw: Biblioteka Fundacji im. Takashimy.
12. Zgórnjak, M., Rojek, W. & Solarz, J. (eds) (2012) *Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920* [Reports of Lieutenant Alexander Mazarakiy on the activities of the Japanese Military Mission in Poland and the events in Siberia and the Far East. December 1919 – July 1920]. Krakow: Oficyna Wydawniczo-Drukarska Secesja.
13. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938* [Polish-German relations. 1933–1938]. Poznań: [s.n.].
14. Foreign Relations of the United States. (1951) 1934. Vol. I.
15. Kuromiya, H. & Peplowski, A. (2009) *Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944* [Between Warsaw and Tokyo. Polish-Japanese intelligence cooperation 1904–1944]. Toruń: A. Marszałek.
16. Łyżiński, P. (n.d.) *Stosunki polsko-japońskie w latach 1918–1939* [Polish-Japanese relations in 1918–1939]. [Online] Available from: http://www.academia.edu/9269075/Stosunki_polsko-japo%C5%84skie_w_latach_1918-1939. (Accessed: 10th July 2016).
17. Garlicki, A. (1990) *Józef Piłsudski 1867–1935*. Warsaw: Czytelnik. (In Polish).
18. Maciejewski, M. (2009) Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej [Federated concepts of Piłsudskiites at the dawn of the Second Republic]. In: Marszał, M. & Sadowski, M. (eds) *Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939* [The independent routes: Polish political and legal thought in 1918–1939]. Wrocław: [s.n.].
19. Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in 1932–1938]. Poznań: Instytut Zachodni.
20. Beck, J. (1951) *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939* [Last report. Polish Politics in 1926–1939]. Neuchâtel: Éditions de la Baconnière.
21. Beck, J. (1939) *Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1939* [Speeches, declarations, interviews in 1931–1939]. Warsaw: [s.n.].
22. Mel'nikov, D.E. & Nakropin, O.M. (eds) (1960) (1960) *Dnevnik posła Dodda* [Ambassador Dodd's Diary]. Translated from English by V.N. Machavariani, V.A. Hinkis. Moscow: Sotsekgiz.
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 185. Doc. 5. (In Russian).
24. Research Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Fund 22. List 1. 1934. (In Russian).
25. Politizdat. (1971) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 17. Moscow: Politizdat.
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 187. Doc. 10. (In Russian).
27. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 15. List 1. File 78 (microfilm). (In Russian).
28. Morozov, S.V. (2007) Iz dovoennogo dos'e [From the pre-war dossier]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 1–2.
29. State Archive of the Russian Federation. Fund 4459. List 28/2. File 42. (In Russian).
30. Politizdat. (1973) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 18. Moscow: Politizdat.
31. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 188. Doc. 8. (In Russian).
32. Sotskov, L.F. (2009) *Sluzhba vneshney razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoy politiki: sb. dok. (1935–1945)* [The Foreign Intelligence Service of Russia. Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia. Secrets of Polish politics: documents (1935–1945)]. Moscow: Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia.
33. *Gudok*. (1935).

Received: 09 August 2016